

Метафорические определительные словосочетания в современном немецком языке

Метафорические выражения традиционно рассматриваются в стилистике, а в последнее время они привлекают внимание ученых, интересующихся психолингвистическими проблемами понимания. Гораздо меньше исследована собственно лингвистическая сущность метафоры, речь идет пока лишь о введении в такую теорию¹. Согласно традиционной точке зрения, которая принимается во многих работах, посвященных исследованию метафоры, метафора – это “стянутое сравнение”². Так понимается метафора в стилистике, где важно обнаружить скрытое сравнение, при котором название одного предмета применяется к другому и выявляет таким образом какой-то важный признак второго³. Приписать этот признак просто нельзя другим способом⁴. В теории понимания подчеркивается апперцептивный характер метафоры, то есть ее способность соотносить поступающую информацию с уже сложившейся понятийной системой⁵. В семантических исследованиях показано, что «метафора и сравнение различаются глубинными структурами»⁶. Однако этот тезис не получил пока достаточно-го признания.

Синтаксическая метафора объясняется традиционно: как результат скрытого сравнения сочетаемости компонентов синтаксической структуры. При этом речь идет только о нарушении семантической комбинаторики элементов⁷. На наш взгляд, это не совсем верно, поскольку в процессе метафоризации взаимодействуют два вида семантики: семантика грамматическая и лексическая. Д. Бикертон справедливо отмечает, что метафора – это «разовое присвоение» атрибутов по типу *green thought* «зеленая мысль»⁸ [1990:301]. Это высказывание, на наш взгляд, в скрытом виде содержит гипотезу, развиваемую в настоящей статье: **грамматическая семантика вступает в противоречие с лексической семантикой** элементов, заполняющих грамматическую структуру: слово-

¹ Бикертон Д. Введение в лингвистическую теорию метафоры // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., нем., фр., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990. – С. 284-306.

² Миллер Дж.А. Образы и модели, уподобления и метафоры // Теория метафоры. – С. 236-283.

³ Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). – Ленинград: Просвещение, 1981, с. 82.

⁴ Долинин К.А. Стилистика французского языка. – Ленинград: Просвещение, 1987, с. 132.

⁵ Миллер Дж.А. Указ.соч, с. 236.

⁶ Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Там же. – С. 133-152.

⁷ Ср., например, Шакирова Ф.С. Сочетаемость прилагательных и существительных как основа метафоры: Автореф.дис. ...канд.филол.наук. – М., 1974.

⁸ Бикертон Д. Указ.соч., с.301.

сочетание, предложение, сложное синтаксическое целое. В каждом из трех указанных случаев реальная ситуация описывается в терминах не типичных для нее синтаксических или семантических категорий, синтаксический знак теряет семантическую иконичность⁹, «оттеняется» необычным, «неканоническим» представлением¹⁰ автора высказывания, то есть приобретает образность. Рассмотрим наиболее простой – первый – случай: метафорические словосочетания. Попытаемся показать, что они неоднородны с точки зрения метафорического содержания и выяснить причины этой неоднородности.

Встречаются два основных типа метафорических словосочетаний. К ним относятся, во-первых, сочетания стержневого имени существительного с другим именем (существительным, причастием или прилагательным), и, во-вторых, сочетания имени существительного с предлогом пространственной семантики. В обоих случаях имеет место нарушение сочетаемости грамматической семантики соответствующей конструкции с ее лексическим наполнением. Возникающая при этом метафоричность в каждом случае имеет различную образную основу. В данной статье нас будут интересовать определительные словосочетания метафорического характера. Исследование выполнено на материале современного немецкого языка, поэтому существенно заметить, что в немецкой грамматике к этому типу словосочетаний относятся: (1) собственно атрибутивные сочетания, построенные по модели *Adjektiv + Substantiv* (далее: *Adj. + Subst.*), и (2) поссесивные и предложные сочетания двух существительных, построенные по моделям *Subst. (Nominativ) + Subst. (Genitiv)*; *Subst. (Nom.) + Subst. mit Präposition* [Sitta 1995:636]. Первый тип имеет более универсальный характер, чем второй. Словосочетания такого типа относятся к определительным, в частности, и в русской грамматике, тогда как словосочетания второго типа рассматриваются там как объектные или адвербиальные. Логично поэтому начать изложение с первого типа словосочетаний.

А.А. Потебня на материале русского языка и В.Г. Адмони на материале немецкого отмечают смысловые различия согласованных препозитивных и несогласованных постпозитивных определений: первые, как правило, обозначают «внутренние» качества, имманентно присущие предмету, а вторые – его «внешние» качества, которые относятся к соответствующему предмету, как одна субстанция к другой¹¹. Семантика определений со значением «внутреннего» качества в известной степени прогнозируется стержневым именем. Словосочетания имеют тогда не устойчивый, но частотный характер и в этом смысле идиоматичны. Д. Бикертон описывает такие случаи как «специфические атри-

⁹ О понятии иконичности / неиконичности знака ср. *Givón T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics.* - Hillsday; New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers 1989.

¹⁰ Понятие неканонического представления сопоставимо с математическим понятием неканонического преобразования, результатом которого является теневое движение. См. *Колокольчиков В.В. Гамильтоновы системы и релятивизмы.* – М.: МГУ ПС, 1996, с. 38 и сл.

¹¹ *Admoni W. Der deutsche Sprachbau.* – М.: Просвещение, 1986.

буты”, понимая под этим, что обозначаемое ими качество обычно соотносимо с денотатом знака, как, например, “твердость” соотносится с “железом” и т.п.¹². Ср. некоторые “специфические атрибуты” в немецком языке:

Der blaue Himmel, weiße Milch, das tiefblaue Meer, leichte Seide, dunkle Augen, eine laute Stimme etc.

Изменение семантики определения в позиции, типичной для обозначения «внутреннего» качества, как правило, влечет за собой его метафоризацию. Пользуясь термином Д. Бикертон, можно утверждать, что в таких случаях определения выходят за рамки «специфических атрибутов». Нарушение атрибутивной комбинаторики проявляется как нарушение семантических проекционных правил¹³. Метафоризации подвергается имя прилагательное; назовем такую метафоризацию в чистом виде *комбинаторно-семантической*. Нарушение атрибутивно-семантической комбинаторики на глубинном уровне выражается в том, что там обязательно присутствует отрицание¹⁴. Именно оно подтверждает, что метафоры «либо ложны в реальном мире, либо очевидным образом не имеют никакого отношения к текстовому концепту»¹⁵. А. Вежбицкая предлагает моделировать глубинную семантическую структуру метафор следующим образом: «можно сказать, что это не..., а ...», вводя в эту структуру отрицание как обязательный компонент¹⁶. Так в словосочетании *...gläserne...Augen* (Е.М. Remarque)¹⁷ неспецифичность атрибута (нарушение проекционной комбинаторики) состоит в том, что качество, в прямом смысле характеризующее артефакт, приписывается части тела человека; семантическая экспликация метафоры: не *глаза*, а *стекляшки*.

Рассматривая семантические отношения в метафорических высказываниях, А. Вежбицкая употребляет выражение «думаю о...»¹⁸. Представляется, что это очень существенный прием, который можно использовать для выявления компонента словосочетания, который подвергается образному переосмыслению. Так в предыдущем примере думаем мы *не о стекляшках*, а о *глазах*, что означает, что метафоризации подвергается именно атрибут, а не стержневое существительное, которое в буквальном смысле слова соотносится с реальным денотатом.

Разновидностью комбинаторно-семантической метафоризации является метафорическая синестезия, которая имеет место в случаях, когда качество, обо-

¹² Бикертон Д. Указ.соч., с. 290.

¹³ Там же, с. 292.

¹⁴ Ср. Вежбицкая А. Указ.соч., с. 147.

¹⁵ Миллер Дж.А. Указ.соч, с. 279.

¹⁶ Вежбицкая А. Указ.соч., с. 144.

¹⁷ Источники иллюстративного материала: Andersch A.. Die Rote: Roman. – Zürich: Diogenes 1974; Andersch A.. Ein Liebhaber des Halbschattens: Erzählung // A. Andersch. Fahrerflucht. Ein Liebhaber des Halbschattens. – Stuttgart: Reclam jun. 1995; Celan P. Die Todesfuge // Золотое сечение. Der goldene Schnitt: Австрийская поэзия XIX-XX веков в русских переводах. – М.: Радуга, 1988; Remarque E.M. Zeit zu leben und Zeit zu sterben: Roman. – Bukarest: Kriterion Verlag 1974; Strittmatter E. Der Laden: Roman. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag 1983; Strittmatter E. Schulzenhofer Kramkalender. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag 1973.

¹⁸ Там же, с. 145.

значаемое прилагательным, воспринимается другим органом чувств, чем предмет, обозначаемый определяемым существительным. В переносных значениях употребляются прилагательные; думаем мы о соответствующих денотатах существительных, ср.:

...*harte Augen* (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens) – глаза воспринимаются зрением, твердость – осязанием; можно сказать, что это *не глаза*, а сплошная *твердость*;

...*kühle Stimmen* (A. Andersch, Die Rote) – голоса воспринимаются слухом, прохлада – осязанием; можно сказать, что это *не голоса*, а сплошная *холодность*.

В отдельных случаях синестезию обнаруживают определительные предложные сочетания существительных; в переносных значениях употребляются определяющие имена, ср.:

Stimme nicht aus Farbe, sondern aus Konturen (ebd.).

В модели Adj. + Subst. возможен вариант *натурализации*, когда переосмыслению (уподоблению природному явлению) подвергается стержневое имя. В приводимом ниже примере, на наш взгляд, имеет место двойная метафоризация по типу: метафорическое определение + метафорическое определяемое, ср.:

...*in einem gnadenlosen freundlichen Meer, einem Menschenmeer* (A. Andersch, Die Rote).

Метафорической натурализации противопоставляется *денатурализация*, которая нередко связана с нарушением привычной комбинаторики обозначений предметов и свойственных им цветов. Этот вид метафоризации часто используется в поэзии. Так П. Целан создает образ «черного молока»:

Schwarze Milch der Frühe wir trinken sie abends... (Todesfuge).

Аналогично, может быть, в меньшей степени метафорично, в прозе:

...*zwischen dem Schwarz des Meeres...* (A. Andersch, Die Rote).

Особую разновидность определительных словосочетаний данного типа представляют сочетания с определительным причастием. В них происходит нарушение семантической комбинаторики между причастием, обозначающим, как правило, законченное действие, и существительным, которое обозначает предмет, не входящий в круг предметов, охватываемых этим действием. Таким образом, нарушается грамматическая семантика объектности: действие, обозначенное причастием, не может в прямом смысле переходить на объект, обозначенный стержневым существительным. Иначе говоря, стержневое существительное не входит в скопус причастия. Эксплицитному переосмыслению подвергается, по нашим наблюдениям, причастие, стержневое существительное получает имплицитную «тень» иной категориальной принадлежности, ср.:

...*der leergefegte blaue Himmel* (A. Andersch, Die Rote) > *man kann den Himmel nicht leerfegen*; существительное *Himmel*, обозначающее природное явление, получает имплицитный категориальный смысл имени артефакта – сооружения,

которое можно подмести; происходит *имплицитное опредмечивание* стержневого имени;

geschälte Buchenstämme (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens) > man kann die Buchenstämme nicht schälen; “тень” существительного Buchenstämme не столь заметна, но она есть: в данном контексте оно имплицитно сравнивается с каким-либо плодом, который можно очистить от кожуры.

Некоторые метафоры такого типа стираются от частого употребления, например:

...ihr verschlossenes Gesicht (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens).

В отдельных случаях в причастии преобладает номинативное значение качества, а существительное обозначает предмет, являющийся носителем этого качества, то есть представляет собой грамматический субъект. Метафора возникает за счет нарушения семантической комбинаторики между обозначениями предмета и его качества, ср.:

Klang einer betrunkenen Drohung (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens) > Drohung kann nicht betrunken sein; «тень» абстрактного существительного Drohung – имя напившегося человека, произносящего угрозу. Здесь имеет место *имплицитная персонализация*.

По сути дела, в модели *Part.II + Subst.* происходит двойная метафоризация, так как, во-первых, нарушается естественная комбинаторика между обозначением предмета и его “внутреннего” качества, а во-вторых, определяемое имя получает имплицитный дополнительный смысл иной категориально-семантической принадлежности.

Перейдем к определительным словосочетаниям с «внешними» атрибутами. Чтобы понять нарушения лексико-синтаксической комбинаторики существительных, образующих такие словосочетания, вспомним структурно-семантические группы существительных. Четкой классификации таких групп в лингвистике нет, но даже те группы, которые выделяются, позволяют дать некоторое представление о возможных нарушениях семантической комбинаторики. У. Энгель выделяет, например, следующие семантические классы существительных. Основой деления является противопоставление имен нарицательных именам собственным; имена нарицательные делятся далее на исчисляемые и неисчисляемые; затем названия отдельных предметов противопоставляются собирательным именам (*Berg – Gebirge*), названия материальных вещей противопоставляются названиям идеальных понятий (*Küste, Welle – Dankbarkeit, Hoffnung*), имена одушевленных лиц или животных противостоят названиям неодушевленных предметов (*Kind, Ziege – Koffer, Wand*); имена, обозначающие природные явления, противостоят именам так называемых артефактов – вещей, созданных руками человека (*Gras, Stein – Apparat, Statue*). Особо отмечается семантическая значимость отглагольных имен, которые могут обозначать процессы (*Befragung, Besiedlung*) и результаты таких процессов (*Auslese, Zeichnung*), деятеля (*Dirigent, Kommandeur*) или претерпевающее лицо или

предмет (*Findling, Aufkleber*). Существительные, образованные от прилагательных, обозначают некоторое качество или способность (*Blässe, Mutterschaft*)¹⁹.

Сочетания слов, принадлежащих к отдельным семантическим группам, в некоторых конструкциях представляются естественными. Например, словосочетания, построенные по модели с грамматической семантикой принадлежности в широком смысле: Subst. (im Nom.) + Subst. (im Gen.) не являются метафоричными, если допустима смысловая трансформация с глаголом *gehören*, обнаруживающим семантику принадлежности. Тогда в позиции первого имени может стоять имя нарицательное (конкретное), а в позиции второго имени – имя собирательное, относящееся к той же области, ср.:

der höchste Berg des Gebirges ~ *der Berg gehört dem Gebirge*.

В позиции первого имени может стоять обозначение результата процесса, а в позиции второго – имя деятеля: *Zeichnung des Kommandeurs* ~ *Zeichnung gehört dem Kommandeur*; или в первой позиции имя качества, а во второй – обозначение имени претерпевающего лица: *Blässe des Findlings* ~ *Blässe gehört dem Findling* и т.д.

Сочетание двух имен с предлогом *aus* имеет грамматическую семантику вещественности, то есть второе имя обозначает вещество, из которого сделан предмет, обозначаемый первым именем. Естественным лексическим заполнением такой модели будет, например, обозначение артефакта в позиции первого имени + имя вещественное в позиции второго имени: *Statue aus Stein* ~ *Statue ist aus Stein gemacht*.

Другие же лексико-семантические сочетания возможны только в определенном контексте, в определенных стилистических целях. Метафоричность возникает за счет лексико-синтаксического диссонанса, который обеспечивает возможность интерпретации одних понятий через призму других²⁰. Аналогичные процессы, пожалуй, даже более интенсивно протекают в словосложении существительных²¹. Выявить здесь строгие закономерности вряд ли удастся, но отдельные тенденции проследить можно. Типичным для метафорических словосочетаний является лексико-синтаксический диссонанс, возникающий, в основном, в тех же моделях генитивных и предложных словосочетаний, которые показаны выше. Диссонанс возникает, например, в грамматической модели генитивного словосочетания с семантикой принадлежности в широком смысле,

¹⁹ Engel U. Deutsche Grammatik. – Heidelberg: J. Groos 1996: 504 f.

²⁰ Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сборник обзоров. – М.: МГУ, 1997.

²¹ Беспалова Е.В. Композиты как минимальный контекст для метафорических выражений в немецкоязычной прессе // Язык и культура (исследования по германской филологии): межвуз. сб. науч. ст. – Самара: Самарский университет, 1999.

если этим отношением связываются обозначения предметов, в прямом смысле слова “не принадлежащих” друг другу. Например, в миниатюре “Die alte Hofpumpe” Э. Штриттматтер рассказывает о том, как из старого насоса, замененного водопроводом, вынули все содержимое, оставив один только ствол, и как в этом стволе свили гнездо синички, потомство которых автор (думая о насосе) называет *das neue Herz unserer Hofpumpe* (Е. Strittmatter, Schulzenhofer Kramkalender).

В данном словосочетании стержневое существительное (определяемое) обозначает орган тела живого существа, а зависимое (определяющее) – механизм. Кроме того, стержневое существительное определяется еще и прилагательным “новый”, семантически несовместимым с обозначением “сердце”. Таким образом, возникает двойная метафора: сравнение синички с сердцем, вдохнувшим новую жизнь в старый механизм. Семантика принадлежности усиливает образ – неразрывную связь живой природы с механизмами, созданными человеком. Представляется, что данная метафора близка описанным Дж. Лакоффом и М. Джонсоном онтологическим метафорам «ПСИХИКА – ЭТО МАШИНА»²². Мы бы сказали, что грамматическая семантика принадлежности благоприятствует метафорическим переносам по типу *персонификации*.

Развернутый метафорический образ создается генитивными словосочетаниями с грамматической семантикой принадлежности А. Андерш в романе “Рыжая”. Автор комбинирует в этих сочетаниях существительные, обозначающие предметы и явления неживой природы, с обозначениями процессов, свойственных человеку. Определяемые существительные переосмысливаются, становясь образными ограничениями состояний и процессов, свойственных человеку, что придает последним известную масштабность. По сути дела, ограничения создают – по Дж. Лакоффу/М. Джонсону – онтологическую метафору ВМЕСТИЛИЩА²³, ср.:

...wie Korkstücke trieben die Geräusche der letzten Vaporetti-Passagiere auf der Brandung des Schlafs an das Ufer ihres Gehörs (А. Andersch, *Die Rote*).

Разновидность метафоры ВМЕСТИЛИЩА образуют генитивные словосочетания или словосочетания с атрибутивным прилагательным, в которых образный перенос возникает на основе конфликта грамматической семантики количественности с лексической семантикой, не поддающейся исчислению. В ограничительном метафорическом смысле употребляются обозначения количества. Ср.:

Stücke der Landschaft (А. Andersch, *Ein Liebhaber des Halbschattens*); *ein halber Blick* (ebd.); *Stöße der Ernüchterung* (ebd.) (ср. неметафорические словосочетания в аналогичной грамматической конструкции: *eine Menge Leute*; *ein halbes*

²² Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. – С. 410.

²³ Там же, с. 412.

Meter etc.).

Аналогично метафорическому переосмыслению могут подвергаться обозначения плотности предметов или явлений, ср.:

...ein Dickicht von Wohnungen (A. Andersch, Die Rote); ein Netz der Sehnsucht (ebd.).

Метафора может возникать в генитивных словосочетаниях с грамматической семантикой субъектности. Переосмыслению подвергается в таком случае определяемое отглагольное имя, которое в прямом значении не может выступать предикатом соответствующего субъекта. Ср. примеры и их трансформации:

...*der metallische Überfall der Klänge* (ebd.) > der Klang überfällt nicht; думаю о звуках: это может быть *не нападение*, а *неожиданность*;

...*ein mechanisches Einrasten seines Gedächtnisses* (ebd.) > das Gedächtnis rastet nicht ein; думаю о памяти: это может быть *не ржавение*, а *негибкость*;

... *Einzug des letzten Gesichts seiner Mutter in sein Gedächtnis* (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens) > das Gesicht zieht in das Gedächtnis nicht ein; думаю о лице матери: это может быть *не въезд в память*, а *воспоминание*.

Возможна метафоризация генитивных словосочетаний с семантикой объектности. В следующих примерах стержневое отглагольное имя получает отрицательно-оценочный смысл, характеризуя деятельность человека, обычно связываемую с другими объектами. На наш взгляд, здесь имеет место метафора КАНАЛА СВЯЗИ²⁴: определяемое существительное обозначает лицо, становящееся проводником того, что названо определяющим именем. Ср.:

...*ein Buchhalter der Unmenschlichkeit* (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens); ...*Buchhalter des Todes* (ebd.) (в обоих случаях так называется архивист, ведущий учет преступлений) – думаю о бесчеловечности, о (насильственной) смерти: учет преступлений может вести *не бухгалтер*, а *морально павший человек*.

Довольно часто метафоризируются предложные определительные словосочетания с семантикой вещественности, если, например, значение вещественности «навязывается» обозначениям, относящимся к эмоциональной сфере человека. Как правило, здесь имеет место *персонификация*. Так А. Андерш наделяет артефакт «кубик» или абстрактное имя «темнота», выполняющие в словосочетаниях роль определяемых имен, качествами, обозначающими эмоциональную сферу человека, и тем самым «одушевляет» их, ср.:

...*das Haus* war ein Würfel, *ein Würfel aus Trostlosigkeit und Verfall und geheimem Leben*... (A. Andersch, Die Rote);

...*eine Dunkelheit aus Hass* (A. Andersch, Ein Liebhaber des Halbschattens).

Природное явление может уподобляться артефакту, *опредмечиваться*. В переносном смысле употребляется тогда определяемое имя артефакта, ср.:

Eine Säule aus Wasserdampf (A. Andersch, Die Rote).

В той же грамматической конструкции возможен и обратный вариант, когда

²⁴ Там же, с. 393.

в позиции определяемого находится имя, обозначающее явление природы, а в позиции определяющего – имена, обозначающие артефакты. В этом случае имена артефактов не называются, а замещаются переосмысленными сравнениями. Тем самым артефакты уподобляются природным явлениям. Тип метафоризации, при котором происходит уподобление природе, «натуре» можно назвать – в отличие от персонификации и опредмечивания – *натурализацией*, ср.:

Die Struktur aus Kälte (ebd.); думаю о рисунке на стекле: это может быть *не рисунок, а структура из холода*;

...unter dem dunklen Gebirge aus Glas, Rauch und Beton (A. Andersch, Die Rote); думаю о поезде: это может быть *не поезд, а гора из стекла, дыма и бетона*.

Возможен и еще один вариант метафоризации предложного словосочетания со значением вещественности, когда образному переосмыслению подвергается определяющее имя. В следующем примере имя со значением «эмоция» определяется предложным сочетанием, в котором существительное обозначает природный материал – металл. Тем самым проявление эмоции человеком сравнивается с качеством, свойственным металлу. Это тоже своего рода натурализация, ср.:

Ein Schrei aus Erz (A. Andersch, Die Rote).

Предлог *in* придает словосочетанию грамматическое значение «нахождения внутри чего-либо». При заполнении позиций определяемого и определяющего имен лексемами, семантически контрастирующими в отношении пространственной включенности друг в друга, возникает метафорический образ. Например, в одной из миниатюр Э. Штриттматтера в первой позиции стоит обозначение животного, во второй – обозначение предмета одежды человека; в результате возникает образ несуразного человека. Образному переосмыслению подвергается определяемый компонент словосочетания. Этот тип метафоризации назовем *анимализацией*, ср.:

Herr Schwetasch..., *ein Igel im Sonntagsanzug* (E. Strittmatter, Der Laden).

Разобрав основные случаи метафорических преобразований в определенных словосочетаниях, вернемся к вопросу, о причинах, от которых зависит выбор того или иного члена словосочетания в качестве объекта метафоризации. На этот вопрос у нас пока нет однозначного ответа. Исходя из нашего материала, мы можем предположить, что в случае «внутренних» определений метафоризируются именно атрибуты, выходя из разряда «специфических» для данного денотата.

Семантика определений со значением «внешнего» качества практически не прогнозируется, поэтому в этих случаях переосмыслению подвергаются, как правило, стержневые существительные, то есть определяемые члены словосочетания, выступающие в метафорически идентифицирующей функции (ср. примеры выше). Тем не менее, и здесь есть исключения, например, если опре-

деляющее имя является вещественным, функционально сближаясь с прилагательным, обозначающим «внутреннее» качество. Тогда именно оно метафоризируется.

В заключение можно сделать следующие выводы.

Метафоризация определительных словосочетаний существительного идет тремя основными путями:

- в модели Adj. + Subst. происходит, как правило, комбинаторно-семантическая метафоризация определяющего имени, разновидностями которой являются синестезия и цветовая денатурализация;
- в модели Part. II + Subst. имеет место двойная метафоризация с нарушением комбинаторной семантики и имплицитным переосмыслением стержневого имени;
- в моделях Subst (Nom.) + Subst (Gen.) / Subst. (Nom.) + Subst. (Präp.) метафоризируется, как правило, определяемое имя, получая функцию метафорической идентификации, основными разновидностями которой являются персонификация, опредмечивание, натурализация и анимализация.

Взаимосвязь грамматической семантики с лексической можно видеть также в том, что семантика принадлежности способствует формированию онтологических метафор ВМЕСТИЛИЩА и КАНАЛА СВЯЗИ.